

СТАРЕЦЪ ЯАФЪЙ.

НАРОДНОЕ ПРЕДАНИЕ.

I.

Въ странахъ Славянскихъ до сихъ поръ
Есть въ мѣстѣ нѣкоемъ межъ горъ,
Во глубинѣ одной долины
Когда-то славный монастырь,—
Теперь развалины, пустырь.
Однѣ лишъ башни—исполины,
Какъ будто стражи по угламъ,
Да стѣнъ остатки,—здѣсь и тамъ,—
Еще по нынѣ сохранили
Слѣды того, чѣмъ прежде были;
Да обвалившійся соборъ,—
Давно безглавый и раскрытый,
Поросшій мхомъ, травой обвитый,
Вѣковъ былыхъ живой укоръ—
Оставленъ внукамъ на позоръ;
Чтобъ племя новое смотрѣло
Какую вѣрою живой
Душа ихъ пращуровъ горѣла;
Съ какою дѣтской простотой
Любовью къ Господу пылали
Ихъ неостывшія сердца...
И, все пріявши отъ Творца,

Они Его и прославляли,
Какъ дѣти щедраго Отца!
Тогда, коль храмъ гдѣ воздвигали,
Храмъ былъ обширенъ и высокъ,
Какъ бы тѣмъ выразить желали,
Что создаютъ Царю чертогъ,
И благолѣпна, и богата
Была внутри Царя палата;—
Коль лили гдѣ колокола,—
Сребра и мѣди не жалѣли,—
Дабы они звучнѣй гудѣли.
Чтобъ мѣди гулъ, Творцу хвала,
Далеко вѣтромъ разносился,
И чтобы каждый, слыша звонъ,
Во умиленіи молился
Душей и тѣломъ восхищенъ...
То были—дни народной славы...
Благочестивая страна
Была богата и сильна;
Иные дни—иные нравы:
Исчезла предковъ простота,
И современное намъ племя,
Познавъ позоръ и рабства бремя,—
Далеко дѣдамъ не четà!

II.

Тотъ монастырь—безмолвный нынѣ,
Какъ усыпальница въ пустынѣ,—
Когда-то очень былъ богатъ,
И коль судить по очертанью
Его разрушенныхъ оградъ,
И прочихъ зданій и палатъ,
Обширенъ былъ, и по преданью,
Въ народѣ свѣжему до днесь,
Въ немъ старцы праведные жили,
И вся окрестность,—градъ и весь—

Отцовъ-пустынниковъ любили,
И, видя подвиги ихъ, чтили.
Тогда во всѣхъ еще странахъ
Пустынноподобитель и монахъ
Быль добродѣтелей примѣромъ;
Народъ монашество цѣнилъ,
И черноризца—лицемѣромъ
И пустосвятомъ—не честилъ!

III

Въ числѣ другихъ тамъ жившихъ братій
Быль нѣкто—именемъ *Алфей*,
Подвижникъ полный благодати,
Во плоти ангелъ межъ людей,
Примѣръ поста и воздержанья.
Давно онъ жизнь аскета велъ;
Онъ всѣхъ собратій превзошелъ,
И сталъ предметомъ почитанья
И для своихъ, и для чужихъ:
Всѣ передъ нимъ благоговѣли,
Съ нимъ спорить въ подвигахъ не смѣли
И голосъ зависти притихъ.
Помощникъ нищихъ, врачъ больныхъ,
Лишь о небесномъ помышляя,
Самъ о себѣ позабывая,
Онъ научился въ ближнемъ жить,
И всѣмъ и каждому служить...
И благодать Творца, казалось,
Обильно въ старцѣ проявлялась
И далеко вездѣ кругомъ
Въ то время каждый зналъ о немъ.

IV.

Отецъ Алфей—примѣръ смиренья
И непорочной чистоты,
Не безъ усилій и боренья

Достигъ сѣй чудной высоты.
Кто былъ онъ родомъ, мы не знаемъ,
(Объ этомъ свѣдѣнне темнѣ),
Извѣстно только лишь одно,—
Что онъ сомнѣнныи смущаемъ,—
Когда еще въ міру онъ жилъ,—
Наукѣ ревностно служилъ;
Что сынъ суетъ, умомъ надменный,
Онъ думалъ разумомъ понять
Все то, что съ вѣрой несомнѣнной
Должны смиренно мы принять,
Не испытавъ откровенья.
Такъ онъ трудился много лѣтъ,
Встрѣчалъ все камни преткновенья,
Но не позналъ, гдѣ правды свѣтъ.
И помѣшательство грозило
Его пытливому уму,
Какъ вдругъ... (но какъ и почему—
Про то сказанье утайло)
Алфей увѣровалъ душой;
Онъ все презрѣлъ, пожегъ всѣ книги,
Остригъ власы, надѣлъ вериги,
И чуть не въ рубищѣ, босой
Ушелъ изъ города въ обитель.
Здѣсь не одинъ десятокъ лѣтъ,
Любовью къ Господу согрѣтъ,
Пустыни искренній любитель,
Онъ подвизался, и въ слезахъ
Молилъ прощенья о грѣхахъ.

V.

Онъ сталъ читать Отцовъ писанья:
Какая мудрость, глубина
Въ ученьи Истины видна!
То не мечты и мудрованья,
Но вѣры чистой высота,

И мысли свѣтъ и простота!
Онъ горько плакалъ и молился,
И плоть свою постомъ томилъ,—
И пламень страсти умирился:
Страсть немощна, коль плоть безъ силъ.
Но чѣмъ душа въ насъ немощнѣе,
Тѣмъ страсть душевная сильнѣе,
И, сокровенная отъ насъ,
Она тревожить насъ подчасъ,
И какъ змѣя въ душѣ таится,
И постепенно душу тлить,
Пока въ пожаръ не обратится
И насъ всецѣло не спалитъ!
И безконечна, неизслѣдна
Страстей душевныхъ этихъ бездна,
Но изо всѣхъ сихъ скрытыхъ змѣй,
Всѣхъ душевреднѣй и страшнѣй,
И затаенныхъ такъ глубоко,
Что даже опытное око
Познать его не можетъ вдругъ—
Гордыни тлительный недугъ!
Въ немъ столько видоизмѣненій,
Оттѣнковъ разныхъ и личинъ,
И непонятныхъ проявленій,—
Хотя онъ въ сущности одинъ,—
Приходишь самъ въ недоумѣнье
Не знаешь что и врачевать.—
Всѣхъ неисцѣльнѣе *сомнѣнье*,—
Гордыни явная печать!

VI.

Отецъ Алфей скорбѣлъ, трезвился,
Боролся долго самъ съ собой,
И, понемногу, водворился
Въ душѣ усталой и больной
Давно желаемый покой.

Но, временами, возвращались
Его недуги прошлыхъ дней,
Хотя и рѣже, и слабѣй,
И мысли старца помрачались...
Тогда — онъ въ горы уходилъ,
Или въ лѣсахъ одинъ бродилъ,
И утомленный онъ садился
На пень, иль камень у стремнинъ.
Какая красота картинъ!
Подъ нимъ внизу потокъ клубился,
Вскипая пѣною сѣдой;
Здѣсь надъ оврагомъ боръ густой,
Тамъ вправо — клены вѣковые,
Налѣво — нивы золотыя, —
Деревни, села, цѣпи горъ...
И, снова, злачныя равнины,
И скалы дикія, и боръ...
Живыя чудныя картины!
Какая пышность и краса —
Весь этотъ міръ и небеса!
Какую радость навѣвають
На духъ, исполненный тоской:
Здѣсь звонко птицы распѣвають,
Тамъ гудъ лѣсовъ, потока вой;
Тутъ вѣтеръ шепчется съ травой...
Повсюду жизнь, вездѣ движенье,
И вмѣстѣ миръ и тишина;
Въ природѣ нѣтъ разъединенья:
Разнообразія полна,
Она всецѣла и одна!
Алфей исполненъ восхищенья,
Взиралъ кругомъ и восклицалъ:
«И я, безумецъ, сомнѣвался,
«И я, слѣпецъ, все отрицалъ?»
И снова всѣмъ онъ любовался
И велегласно вновь твердилъ:

«Ты, Боже, Ты все сотворилъ!
«Куда я взоръ ни обращаю,
«Тебя повсюду ощущаю,
«Ты создалъ все, Владыко мой!
«И горній міръ, и міръ земной!»

VII.

И духъ мятежный умирался,
И съ уврачеванной душой
Въ обитель старецъ возвращался
И наслаждался тишиной.
Но врагъ насъ присно искушаетъ
И, посрамляемый въ одномъ,
♦ Онъ насъ сильнѣй еще смущаетъ,
Чтобъ уловить насъ въ злѣ иномъ,
Коль мы смиренья не имѣемъ...
Случилось тоже и съ Алфеемъ:
Онъ сомнѣваться пересталъ;
Давно угасли плоти страсти,—
И думалъ онъ, что врагъ отсталъ,
И, что избѣгнувъ вражьей власти,
Онъ совершенства достигалъ!
«Хоть врагъ язвить насъ очень мѣтко
«И много всяческихъ сѣтей
«Намъ полагаетъ хитрый змѣй»
Себѣ говаривалъ нерѣдко
Самоувѣренно Алфей,
«Но, видно, нехотя, смирился
«И пересталъ меня смущать,
«Съ тѣхъ поръ, какъ твердо убѣдился,
«Что пользы нѣтъ меня стращать».
Не понялъ онъ, что мысли эти—
Искусный вражескій прилогъ,
И не познавъ сей новой сѣти,
Онъ избѣжать ея не могъ...
Онъ не размыслилъ со смиреньемъ,

Что только Божья благодать
Могла и духъ и бодрость дать,
Когда въ борьбѣ со искушеньемъ
Ему случалось побѣждать..
Такъ старца началъ врагъ смущать.

VIII.

Совсѣмъ забывъ, чѣмъ былъ онъ прежде,
Духовной прелестью объять,
Алфей сталъ думать, что онъ святъ;
И жилъ онъ въ сладостной надеждѣ,
Что, безъ сомнѣнья, будетъ онъ,
Въ раю, какъ праведникъ, вчиненъ..
Такъ умъ свой къ горнимъ простирая,
Все о блаженствахъ размышлялъ
И съ наслажденьемъ вѣчнымъ рая,—
Земное сравнивать онъ сталъ.
И вдругъ родилось сомнѣнье:
«Возможно ль вѣчно наслажденье?»
И такъ имъ помысль овладѣлъ,
Что, чѣмъ бы онъ ни занимался —
Молился ль, съ книгою ль сидѣлъ,—
Все тотъ же помысль возвращался,
Ему покоя не давалъ,
И старецъ духомъ унывалъ..
«Христось Спаситель намъ вѣщаетъ,
«Что всѣхъ насъ вѣчность ожидаетъ»
Себѣ не разъ онъ говорилъ,
«И тѣмъ, кто въ мѣрѣ свято жилъ
«Онъ всѣ блаженства обѣщаетъ
«Въ дому Небеснаго Отца!..
«Тамъ будетъ все безъ измѣненья,
«Не будетъ времени дѣленья:
«Одна лишь вѣчность безъ конца!
«Коль здѣсь, —гдѣ радость скоротечна,
«Мы утомляемся подчасъ,—

«Что жь *тамъ*-то будеть, гдѣ все вѣчно
«И нескончаемо для насъ?
«Вкушая тѣ же наслажденья
«Не ощутимъ ли утомленья?»

IX.

И много времени Алфей
Не вѣлъ, не пллъ, скорбѣлъ душою,
И, занять мыслью одною,
Сномъ не смыкалъ своихъ очей...
Подъ гнетомъ давящей печали
Онъ много книгъ перечиталъ,
Но какъ онъ ихъ не вопрошалъ,—
Писанья мудрыя молчали
И ничего не отвѣчали...
И старецъ вовсе изнемогъ
И весь, какъ будто, въ разслабленьи
Онъ и ходить уже не могъ,
Но все лежалъ, и въ усыпленьи
Однажды видится ему,
Что птичка въ келию къ нему
Въ окно открытое влетѣла
И пѣсню чудную запѣла...
Проснулся онъ: глядитъ—окно
Какъ и вчера—затворено,—
А пѣнье, между тѣмъ, звучало
И сердце старца услаждало.
«Коль встать бы могъ я», думалъ онъ,
«Да гдѣ мнѣ, силы истощились!»
Но силы вдругъ опять явились,
И старецъ,—бодръ и оживленъ,—
Тотчасъ изъ кельи вышелъ вонъ.
Нѣтъ птицъ нигдѣ,—а пѣнье льется!
«Вотъ чудно», думаетъ Алфей,
«Не за оградю-ль гдѣ вьется,
«Еще туда идти придется!

«Ну, что же дѣлать,—выду къ ней».
Онъ вышелъ: то же слышитъ пѣнье,
А птицы нѣтъ какъ нѣтъ нигдѣ...
Онъ приходилъ въ недоумѣнье.
«Сидить, должно быть, на гнѣздѣ»,
Премудро старецъ заключаетъ...
Онъ все идетъ, глядитъ въ кустахъ:—
Ни птицъ, ни гнѣздъ—не примѣчаетъ,
А пѣнье слышится въ ухахъ!
«Здѣсь сорокъ лѣтъ я, иль ужъ болѣ,
«А этой птички не слыхалъ!»
Онъ шелъ все дальше, вышелъ въ поле,—
Пѣвучій голосъ не смолкалъ...

X.

То было лѣтомъ; солнце встало
И ярко на небѣ блистало;
Ни тучки нѣтъ на синевѣ;
Роса алмазная сверкала
И на цвѣтахъ, и на травѣ;
Природа вся благоухала,
И пѣснь лилась, не умолкала...
«Какое утро, Боже мой!»
Воскликнулъ старецъ: «рай земной!
«Тепло, и свѣтъ, и пѣснопѣнье,
«И этотъ чудный ароматъ!—
«Все услаждаетъ слухъ и зрѣнье,
«Всѣ блага чувствамъ нашимъ льстятъ.
«Я, словно, самъ переродился;
«Какъ будто юношею сталъ;
«Дошелъ куда?—не утомился
«Нимало, даже, не усталъ!»
Вотъ косогоръ,—и съ косогора
Тропинка вьется въ чащу бора...
И пѣнье сдѣлалось звучнѣй
Еще полнѣе и стройнѣй.

XI.

Алфей въ лѣсу. Объять прохладой,
Онъ на высой камень сѣлъ,
И съ небывалою отрадой
Вокругъ себя на все глядѣлъ,
И слушалъ сладостное пѣнье.
«Ужели жъ все—не сновидѣнье?!»
Онъ въ упоеньи восклицалъ.
И старецъ набожно крестился,
И слушалъ снова, и дивился;
А пѣнья хоръ все возросталъ...
И восхищенъ, и очарованъ,
И къ камню, будто бы, прикованъ,
Сидѣлъ недвижимо Алфей..
И вмѣстѣ съ пѣньемъ все сильнѣй
• И аромат лился струями
И въ боръ дремучій проникалъ;
И свѣтъ обильными лучами
Подъ мрачнымъ сводомъ засверкалъ.
Весь боръ мгновенно озарился,
Горѣлъ, сиялъ и пламенѣлъ
И ярче молніи свѣтился;—
Алфей все слушалъ, все глядѣлъ,
И взоръ его не утомился,
И уху звукъ нѣ надоѣлъ!
Но вдругъ—все разомъ прекратилось:
Благоуханье, пѣнье, свѣтъ,—
Молчанье всюду водворилось,—
И лѣсъ сталъ сумракомъ одѣтъ.
Мгновенно старецъ встрепенулся,
Отъ усыпленія очнулся:
Онъ живо все припоминалъ,
И сознавался, что онъ спалъ,
Или на время позабылся,—

Но часъ ли, сутки ли сонъ длился,—
Онъ разрѣшить того не могъ:
Такъ сонъ былъ сладокъ и глубокъ.

XII.

Давнымъ-давно и солнце сѣло,
Роса ложилась, и стемнѣло,—
Когда съ большимъ трудомъ Алфей
Прибрелъ къ обители своей.
Онъ былъ совсѣмъ въ изнеможеньи;
Въ тотъ мигъ послышался трезвонъ,
«Должно быть,—праздникъ, правятъ бдѣнье»,
Перекрестясь подумалъ онъ:
«Зайду въ соборъ и помолюся;
«Стоять нѣтъ мочи—посижу;
«Къ святымъ иконамъ приложуся,
«Отцу игумну поклонюся...
«Да и къ себѣ:—едва брожу;
«Господь простить—не служатъ ноги!»
Онъ въ монастырь идги спѣшить...
Къ собору вовсе нѣтъ дороги,
Да и соборъ не тамъ стоитъ!
«Что за диковинка!» глядитъ—
Направо—въ церкви освѣщенье.
«И не пойму я, гдѣ служенье!»
Ну все равно! Туда бредеть;
И здѣсь, и тамъ—вездѣ строеня,
Которыхъ онъ не узнаетъ!
«Неужто я все не проснулся?»
Сталъ говорить себѣ Алфей,
И у крыльца онъ тутъ споткнулся,
Почти у самыхъ у дверей,
И, что не спать,—тѣмъ убѣдился.
Онъ въ храмъ вошелъ и помолился;
Глядитъ—соборъ совсѣмъ не тотъ:
Вчера былъ низкій, закоптѣлый,—

Теперь:—большой, просторный, бѣлый
И съ позолотою весь сводъ!
Алфей впередъ—нельзя отъ давки:
Все богомольцы и народъ;
Онъ въ уголокъ присѣлъ на лавкѣ
И съ изумленьемъ все глядитъ...
Съ нимъ старичекъ монахъ сидитъ.
Тотъ отъ него посторонился,
И, посмотрѣвъ, перекрестился...
Алфей подумалъ: «Кто жъ такой
«Мнѣ незнакомый,—знать чужой,
«Должно быть дальній, иль прохожій».
И онъ спросилъ его: «Рабъ Божій,
«Издалика ли Богъ принесъ?»
Монахъ сердито покосился,
И, не отвѣтивъ на вопросъ,—
Сказалъ: «Молчалъ бы, да молился»;
И, вставши съ лавки,—удалился.
«Ну что узналъ?—И по дѣломъ!»
Шепталъ себѣ Алфей съ укоромъ,
Смиренно и съ поникшимъ взоромъ.
«Онъ точно правъ: здѣсь Божій домъ,
«И неумѣстно развлеченье!»
И сталъ онъ вслушиваться въ пѣнье:
Ему напѣвъ былъ незнакомъ.
«Вѣдь здѣсь ина́че какъ-то пѣли,
«Гораздо проще,—безъ затѣй,
«Что́ было лучше и стройнѣй;
«Вишь перейначить успѣли!
«И все вѣдь это головщикъ...
«Смотри, что́ выдумалъ старикъ!»
Уже оканчивалось бдѣнье,
Все въ уголкѣ Алфей сидѣлъ,
И, не принявъ благословенья,—
Идти изъ церкви не хотѣлъ.
Служенье кончилось, и шумно

Толпа изъ храма потекла;
Къ благословенію игумна
По чину братія пошла.
Алфей, хотя и утомился,
Однако кое-какъ тащился,
И еле-еле подоспѣлъ...
Онъ на игумена глядѣлъ:
«А самъ-то гдѣ жъ отецъ Савватій?
«Къ чему пошелъ я—какъ не кстаті!»
Самъ про себя ворчалъ Алфей,
«Какой чужой что ль казначей?
«На старцевъ нашихъ не похожій...
— «Издалекѣ ли старецъ Божій,
«Обитель нашу посѣтилъ?»
Игуменъ ласково спросилъ...
Алфей тутъ вовсе растерялся:
Онъ не нашелся, что сказать,
Хотѣлъ, какъ будто, отвѣчать,
Но только вскрикнулъ, запатался...
Къ нему два брата подошли
И вонъ изъ церкви понесли.

XIII.

Его въ больницу положили;
Онъ былъ здоровъ, но утомленъ,
И отдыхъ, и спокойный сонъ
Его на утро освѣжили,
Но онъ однако все лежалъ.
И началъ спрашивать про братій:
«И гдѣ Анфимъ, и гдѣ Савватій,
«Которыхъ видѣть бы желалъ?»
Больничный кратко отвѣчалъ,
Что «таковыхъ онъ и не знаетъ,—
«Въ монастырѣ такихъ и нѣтъ,
«Что онъ и самъ ужъ двадцать лѣтъ
«Въ больницѣ должность исправляетъ,

«А ихъ, однако, не засталъ»...
Алфѣй другихъ еще назвалъ,—
И то же—не было.—«Вотъ чудо!
«Не разувѣришь ты меня:
«Вѣдь, какъ же,—третьяго-то дня,—
«Какъ отлучился я отсюда
«Они всѣ были же въ живыхъ!
«Ужели мнѣ не знать своихъ?»
— «Онъ или плутъ, или блаженный»,
Больничный думалъ про себя,
«Или совсѣмъ умалишенный»,
И вслухъ сказалъ: «Вотъ что, почтенный,
«И я не видывалъ тебя;
«Изъ словъ твоихъ мнѣ ясно видно,
«Что ты давно здѣсь не бывалъ,
«Хоть прежде, можетъ быть, жывалъ»...
Алфею сдѣлалось обидно:
«Какъ, *можетъ быть!*» вскричалъ онъ: «Нѣтъ;
«Я слишкомъ сорокъ уже лѣтъ.
«Все здѣсь живу.—Я не безуменъ,
«Какъ ты, я вижу, полагалъ?
«Скажи ка... Очень бы желалъ,
«Чтобъ посвѣтилъ меня игумень—
«Придетъ ли? Мы поговоримъ,
«И всѣ сомнѣнья объяснимъ».
Когда больничный убѣдился,
Что старецъ былъ въ умѣ своемъ,
Онъ ничего не затруднился—
Донесъ игумну обо всемъ.

XIV.

Тогда обителю правилъ
Игумень—старецъ Елисей,—
Ревнитель иноческихъ правилъ,
Отецъ всей братіи своей.
Онъ память добрую оставилъ

Тѣмъ, что обитель обновилъ,
И хотъ онъ добръ и кротокъ былъ,
Однако,—всѣ его боялись,
И угождать ему старались.
Онъ очень странниковъ любилъ
И, услышавши объ Алфеѣ,
Онъ все оставилъ,—и скорѣе
Пошелъ его онъ навѣстить,
Узнать не нужно ль причастить?
«Прости мнѣ, Авво, дерзновенъе,
«Что я тебя придти просилъ,
«Къ тебѣ пошелъ бы,—да нѣтъ силъ,
«И разъясни недоумѣнъе»,—
Игумену старецъ говорилъ,—
«Я самъ, вѣдь, здѣшній,—отлучился
«Тому назадъ всего два дня,
«Вчера ко бдѣнью воротился,—
«И все здѣсь чуждо для меня!
«Нѣтъ никого изъ нашихъ братій,
«Какъ будто здѣсь была чума!
«И я—не выжилъ изъ ума...
«Игуменъ былъ отецъ Савватій,
«Отецъ Анеимъ—нашъ казначей;—
«А кто теперь,—я и не знаю..
— «Я, многогрѣшный Елисей,—
«Игумена мѣсто занимаю»...—
«И я совсѣмъ не понимаю»...
Игуменъ думалъ: Что не ложь—
Его слова,—въ томъ нѣтъ сомнѣнъя;—
И на безумца не похожъ!..
Онъ говорить отъ убѣжденъя;
Тутъ ничего не разберешь...
«Тебя-то какъ же звать?»

«Алфеемъ».—

И снова каждый замолчалъ.

— «Вотъ что,—мы лѣтопись имѣемъ»,

Игуменъ первый продолжалъ,
«Она, какъ видится, издѣвна
«Велася здѣсь весьма исправно»...
Игумна старецъ перебилъ:
«Вонъ изъ ума—совсѣмъ забылъ!
«Да я и самъ надъ ней трудился»,
Воскликнулъ съ живостью Алфей,
«Когда покойникъ Дороей,—
«Посхимся,—въ кельи затворился».

XV.

Игуменъ въ ризницу послалъ,
Чтобы тамъ лѣтопись достали
И поскорѣй ему прислали.
Алфей тотчасъ ее узналъ,
И самъ игумну показалъ,
Что было тамъ его писанья.
Игуменъ книгу пробѣгалъ...
— «А, вотъ! *Алфей*... Да есть сказанье»,
Воскликнулъ онъ и замолчалъ...
— «И обо мнѣ есть? Что такое?»
Игумна старецъ спросилъ,
«Я прочитатъ бы попросилъ»...
— «Все вздоръ какой-то, все... пустое»...
Смутясь игуменъ говорилъ,
И тотчасъ лѣтопись закрылъ...
Но старецъ пуще добивался;
Игуменъ все не соглашался.
Алфей, однако, настоялъ,
Чтобы игуменъ вслухъ читалъ.
Вотъ какъ та лѣтопись гласила:
«Сія страница заключила
«Алфея-старца долгій трудъ:
«Онъ двадцать лѣтъ писать трудился
«И вдругъ отсюда удалился,

«И съ той поры его все ждуть;
«Но все братія мятется,—
«Едва ли кто его дождется!
«Онъ всѣми былъ весьма любимъ;
«Ученый мужъ и благонравный,
«Подвижникъ строгій, но тщеславный,
«Гордыней тайной одержимъ,
«Во многомъ, видно, сомнѣвался;
«Умомъ провѣрить все старался,—
«И оттого онъ въ *прелесть* впалъ,
«И злѣ, должно быть, и пропалъ».
— «Да только, вотъ что,—о тебѣ ли?..
«Такъ ты смущаться погоди:
«Съ тѣхъ поръ *сто лѣтъ* пройти успѣли.
«Ну какъ же это?—Посуди»...
Сказалъ игумень въ заключенье,
Примѣтивъ старцево смущенье.

XVI.

Алфей дѣйствительно блѣднѣлъ,
И весь мгновенно измѣнился:
И взглядъ его остановился,
И онъ совсѣмъ охолодѣлъ.
И упрекалъ себя игумень:
«Зачѣмъ я былъ такъ неразумень,
«Что старца чтеньемъ оскорбилъ
«И тѣмъ едва ли не убилъ!»
Но онъ напрасно испугался:
Прошло еще минутъ лишь пять
И старецъ къ жизни возвращался,
Сталъ шевелиться и дышать.
Когда прошло оцѣпенѣнье,
Онъ на одрѣ слегка привсталъ,
И горько, горько зарыдалъ.

— «Прости ты мнѣ, что клеветою
«Тебя я, старецъ, уязвилъ»,
Ему игумень говорилъ.
— «Нѣтъ, отче,—истиной святою
«Ты мракъ душевный озарилъ!
«Вѣдь ты меня совсѣмъ не знаешь...
«Да я и самъ себя не зналъ!
«Ты мой недугъ мнѣ показалъ,
«И помогать мнѣ начинаешь,
«Хоть и полыни горькой даль!..
«Мои велики прегрѣшенья!
«Они безъ мѣры, безъ числа,
«И всѣ дѣла, всѣ помышленья,—
«Цѣпь беззаконія и зла!
«Они меня избличаютъ,
«Что я хитона не стяжалъ
«И мукой вѣчною прещаютъ...
«Все, что о мнѣ ты прочиталъ,
«О злыхъ моихъ,—одно начало,—
«И въ той главизнѣ нѣтъ конца:—
«*О милосердіи Творца,*
«И что потомъ съ Алфеемъ стало,—
«Ты это послѣ все впиши,
«Дабы о мнѣ сіе сказанье
«Всѣмъ послужило въ назиданье
«На пользу выщую души.
«Хочу принести я покаянье,
«И чтобъ повѣданное зло
«И мнѣ прощеніе стяжало
«И плодъ сугубый принесло,
«Моимъ примѣромъ ужасало;
«Чтобъ каждый старецъ, каждый братъ,
«Увѣдавъ сбывшееся чудо,
«Себѣ внимая,—не жилъ худо,
«Но былъ бы трепетомъ объять;—

«Вели всей братіи собраться
«Дабы я, грѣшный, могъ при всѣхъ
«Открыть содѣянный мной грѣхъ».

XVII.

На зовъ игумна всѣ сходились,
Вкругъ ложа старца становились;
Тогда игуменъ всѣмъ сказалъ,
Зачѣмъ собраться приказалъ.
Алфей совсѣмъ одушевился:
Онъ былъ, казалось, свѣжъ и бодръ,
Взоръ погасавшій оживился,
И старецъ всталъ и сѣлъ на одръ;
И орошая слезами,
Онъ съ сокрушеньемъ говорилъ:

«Хочу я каяться предъ вами,—
«Я тяжко, братья, согрѣшилъ!
«Не грѣхъ плотской,—но грѣхъ духовный
«Меня осѣтилъ и сгубилъ:
«Проникнуть прелестью грѣховной
«Я фарисеемъ въ сердцѣ былъ.
«Я внѣшнихъ подвиговъ держался,
«Уставы строго соблюдалъ,
«Въ постъ и бдѣнны подвизался
«И никогда не нарушалъ
«Келейныхъ—иноческихъ правилъ;
«И въ Божій храмъ ходить любилъ;
«И сострадателенъ я былъ;
«Но только главное оставилъ,—
«Стяжать *смиренье*,—позабылъ!
«На мнѣ сбылись слова Писанья,
«Что: *коль мы камня не кладемъ*
«*Въ основу строемаго зданья*
«*Оно размоется дождемъ.*
«Всему основа есть смиренье,

«А *юродсть* наша есть песокъ,
«А подмывающій потокъ—
«Есть *трелестъ*—*самомигнѣе*.

«Я ослѣплялся самъ собой,
«И, святъ наружной чистотой,
«Считалъ себя для всѣхъ примѣромъ;
«И хоть я не былъ лицемѣромъ,
«Но въ глубинѣ души своей
«Презорливъ былъ, какъ фарисей!
«Чуть не святымъ себя считая,
«Такъ возмечталъ я наконецъ,
«Что думалъ: «Дастся мнѣ вѣнецъ,
«Когда я буду житель рая!»
«И умъ свой въ горня вперяя,
«Все о блаженствахъ размышляя;
«И вдругъ мной помысль обуялъ,—
«Закралось въ душу мнѣ сомнѣнье:
«*Возможна ль вѣчность наслажденья?*
«Я вздумалъ мѣриломъ земнымъ,—
«Умомъ безсильнымъ и больнымъ,—
«Неизмѣримое—измѣрить!
«Ученье *Истины*—повѣрить!
«Сравнить, и взвѣсить на вѣсахъ
«Отраду *здѣсь* и *въ небесахъ!*
«Вотъ до какого ослѣпленья
«Умъ обольстившись могъ дойти!
«Я былъ на гибельномъ пути;
«Но Богъ, любяй Свое творенье,
«Благоволилъ меня спасти,
«Изъ плѣна мысли извести,
«И вразумленіемъ чудеснымъ
«Мнѣ милосердо показалъ,
«Какъ я былъ слѣпъ, когда дерзалъ
«Земное сравнивать съ небеснымъ!

«Однажды я всю ночь не спалъ
«И лишь предъ утромъ задремалъ...
«Вдругъ вижу: птичка прилетѣла
«И пѣсю въ келіи запѣла...
«И какъ отрадно стало мнѣ!
«Но я внезапно пробудился
«И слышу снова, не во снѣ,
«Что пѣнья звукъ не прекратился.
«Гляжу вездѣ: нѣтъ не видать
«Моей пѣвуньи... Что же? встать?
«Но мѣчи нѣтъ, а знать хотѣлось,
«Куда же птица эта дѣлась:
«Нигдѣ не вижу, а поетъ
«И мнѣ покоя не даетъ!
«Нѣтъ, погоди! Добраться надо:
«Уже ли слышится изъ сада?
«Вотъ слышу—какъ же не найти!
«И пѣнье все не прекращалось,
«А понемногу отдалялось,
«Манило далѣе идти...
«Пошелъ я, вышелъ за ограду,
«Иду... и боръ передо мной!
«Вошелъ я узенькой тропой...
«Давай-ка—думаю—присяду.
«И на высокій камень сѣлъ...

«И потерялъ я тутъ сознанье
«О томъ, что слышалъ, гдѣ сидѣлъ,
«Какъ будто я отъ чарованья
«Въ единый мигъ остолбенѣлъ.
«Но полонъ чувства восхищенья,
«Я мѣлъ отъ чудныхъ звуковъ пѣнья,
«И думалъ смутно, что вездѣ,—
«На каждой вѣтви, на листѣ
«Все птицы-пѣвчія сидѣли;
«Что всѣ березы, сосны, ели,

«И мхи, и злаки, и кусты,
«И благовонные цвѣты,
«И лѣсъ столѣтній и дремучій,—
«Все превратилось въ хоръ созвучій:
«Все стало пѣснію одной,
«Давно знакомой и родной!
«Но то не птичье было пѣнье!
«Нѣтъ, это Ангельскій соборъ,
«Слетѣвши съ неба въ темный боръ,
«Сталъ пѣть Всевышнему хваленье!
«Я въ пѣньи словъ не различалъ,
«Но звукъ былъ мысль, имѣлъ значенье,
«И тайный смыслъ ихъ; выраженье,
«Я въ самомъ сердцѣ ощущалъ!
«Я слышалъ волны, переливы...
«Создатель мой, какъ хороши!
«Какъ умилительны и живы!
«Какъ внятны были для души
«Пѣвцовъ таинственныхъ призывы!
«Нѣтъ, слушать я не уставалъ!
«Я сердцемъ къ Богу возносился,
«Ему всей мыслию молился,
«Душой на небѣ пребывалъ,
«И всѣхъ, и все—позабывалъ!

«Вокругъ меня, межъ тѣмъ, свѣтлѣло,
«Я думалъ—молнія съ небесъ
«Въ одно мгновеніе слетѣла,
«Все яркимъ пламенемъ одѣла,
«И вспыхнулъ будто старый лѣсъ!
«Все засвѣтилось, заблестало:
«Всѣ мхи, растенья и трава,
«И всѣ кусты и дерева
«Все—свѣтъ, все—блескъ, все—пламя стало!
«Но я свѣтъ этотъ выносилъ.
«Какъ ночи яркія свѣтила,

«Онъ былъ безъ пламени и пыла,
«Хоть и ярче солнца былъ!

«И вотъ повѣяло весною,
«И благовонный аромать,
«Душистый меда во сто кратъ,
«Волной пронесся надо мною:
«Лѣсъ, какъ цвѣтникъ, благоухалъ,
«И ароматомъ наполнялся;
«Я въ упоеньи наслаждался,
«Струю душистую вдыхалъ!..
«Но слово выразить безсильно
«Мое блаженство: такъ обильно,
«Такъ безконечно, такъ полно
«Мной ощущалось оно!
«И я ничѣмъ не утомился,
«Ни отчего я не усталъ,
«Но пробужденія страшился,
«И сонъ еще продлить желалъ!!
«И вдругъ... окончилось видѣнье...
«И свѣтъ погасъ, и смолкло пѣнье,
«И аромать совсѣмъ исчезъ!
«Въ тотъ мигъ и я совсѣмъ очнулся,
«Пришелъ въ себя,—и ужаснулся:
«Кругомъ глухой, дремучій лѣсъ...
«Повсюду—сырость гробовая,
«И подъ навѣсами древесъ
«Такая чаща, тьма густая,
«Что я весь трясся и дрожалъ...
«Не могъ понять куда попалъ!
«Хочу привстать,—но что за диво?
«Я весь разслабъ и онѣмѣлъ,
«И по колѣна въ мхѣ сидѣлъ!
«Кругомъ репейникъ и крапива,
«А камень мой, со всѣхъ сторонъ,
«Кустами тѣсно окружень!

«Нельзя и вылезти .. Дивь ели
«У камня вырости успѣли!
«Я сотни разъ вѣдь здѣсь сидѣлъ,
«Ужели жъ ихъ не доглядѣлъ?
«Тутъ я припомнилъ понемногу,
«Что я на камень сѣлъ съ утра,
«Какъ я пришелъ, и всю дорогу;
«Но нынче ль утромъ, иль—вчера,—
«Рѣшить я очень затруднялся...
«И долго, долго я старался
«Скорѣе выбраться на свѣтъ;
«Чуть-чуть совсѣмъ не заплутался:
«Моей тропинки нѣтъ какъ нѣтъ!

«Густой туманъ вездѣ ложился,
«Когда я вышелъ на просторъ.
«Я шелъ и мысленно дивился,
«Что мнѣ знакомый старый боръ
«Въ полдня, иль въ день такъ измѣнился,
«Что я его и не узналъ...
«И слишкомъ часъ въ немъ проплуталъ?
«Меня не это ожидало!
«Тамъ, гдѣ тропа вчера бѣжала,
«Смотрю—дорога тамъ прошла,
«Гдѣ у горы изба стояла—
«Деревня цѣлая была!
«Я шелъ на память тихимъ шагомъ,
«Все незнакомая страна:
«Гдѣ былъ плетень,—глядишь стѣна!
«Гдѣ между лѣсомъ и оврагомъ
«Ходилъ я въ бродъ черезъ ручей,
«И мылъ свой поясъ за пять дней,—
«Тамъ вижу—мельницу, плотину!
«А тотъ лѣсокъ, гдѣ хворостину
«Себѣ для кошницъ добывалъ,—
«Столѣтнимъ лѣсомъ уже сталъ!

«Что жъ, наконецъ, все это значить?
«Себѣ я думаю, смутась,
«Ужель такъ врагъ меня дурачить!
«Я здѣсь ходилъ вѣдь сколько разъ,
«А этого,—что здѣсь явилось,—
«Мнѣ и во снѣ еще не снилось!
«И такъ все шелъ я, шелъ... и вотъ,—
«Я у святыгъ уже воротъ!

«Ну, слава Господу,—обитель!
«Теперь окончился мой путь,—
«Могу свободнѣе вздохнуть:
«Теперь не станеть искустель
«Меня смущать, какъ на пути!
«Хочу я въ келію идти...
«Трезвонить начали ко бдѣнью.
«Ну, ладно,—надобно сходить,—
«Нельзя же бдѣнье пропустить,
«И не пойти къ благословенью...
«Я подъ ворота, дальше... ну!
«Тутъ не на шутку я смутился:
«Куда я только ни взгляну—
«Весь монастырь такъ измѣнился,
«Что я совсѣмъ пришелъ въ тупикъ:
«Гдѣ былъ соборъ—смотрю цвѣтникъ,
«Собора точно не бывало!
«Мнѣ индо дурно уже стало;
«Отъ страха ногъ не подыму...
«Направо—вижу освѣщенье,—
«Идетъ тамъ, стало-быть, служенье...
«Бреду... куда? Самъ не пойму!
«Не знаю, точно ль я проснулся?
«Самъ про себя я разсуждалъ.
«Да, какъ-то, случаемъ наткнулся
«Я на крыльцо:—въ соборъ попалъ!
«Вошелъ,—смотрю:—еще чуднѣе—

«Глазамъ не вѣрится:—другой!
«Тотъ былъ—и ниже, и тѣснѣе,
«А этотъ новый,—пребольшой!!
«И наявѹ,—а небылица!..
«Не знаю какъ и объяснить!
«У братій, думаю, спросить?
«Смотрю я—новыя все лица!
«Дождусь игумна самого.
«И такъ,—конца я дожидался:
«Иду къ игумну—нѣтъ его!
«Ужъ тутъ я вовсе растерялся,
«И чуть не замертво упалъ»...

Разказъ Алфея тѣмъ кончался;
Онъ, утомившись, замолчалъ,
Но скоро снова продолжалъ:

«Но это (какъ сказать)—видѣнье
«Не привело бѣ меня въ смущенье,
«Не повергало бѣ въ этотъ страхъ»,
Онъ говорилъ теперь въ слезахъ,
«Когда бѣ, чрезъ милость наказуя,
«Во гнѣвѣ—благость показуя,
«Господь меня не обличилъ,
«Дабы слѣпецъ—(на самомъ дѣлѣ,—
«Здѣсь на землѣ и въ брennomъ тѣлѣ),—
«Я и позналъ и ощутилъ—
«*Возможна ль вѣчность наслажденья?*
«И чтобъ за грѣхъ и заблужденье
«Могъ покаянье принести
«И душу грѣшную спасти!

«Мой сонъ—не день единый длился...
«Или—одни лишь сутки,—нѣтъ!
«Скажу ли? *Цѣлые сто лѣтъ!!!*..
«И слушать я не утомился!
«На свѣтъ глядѣть—не уставалъ!

«И что *сто лѣтъ* пройти успѣли,—
«Возставъ отъ сна,—не сознавалъ!

Всѣ въ изумленіи глядѣли...

И старецъ снова продолжалъ:

«*Какъ день единый*—*вѣкъ* промчался;
«Я спалъ, но время все текло;
«Я въ упоеніи наслаждался,
«А время *много* увлекло
«Теченьемъ быстрого потока
«И въ безднѣ вѣчности глубоко,
«Невозвратно погребло!
«Такъ,—этимъ знаменьемъ чудеснымъ,
«Господь мнѣ ясно далъ понять
«*О невозможности съ небеснымъ*
«*Земное тлѣнное равнять*;
«Хотѣть умомъ слѣпымъ и тѣснымъ
«Неизмѣримое обнять!

«Мой путь земной оконченъ нынѣ,
«Се предъ могилою стою
«И се свой гробъ отверстый зрю!..
«Но милосердая о сынѣ,—
«Господь еще мнѣ время далъ,
«Чтобъ грѣшникъ, павши, вновь возсталъ,
«И чтобы я чрезъ покаянье
«Прощенье могъ себѣ стяжать,
«И вамъ всѣмъ, братья, въ назиданье,
«О всемъ, что было, передать!..

«Страшитесь, братія, *сомнѣнья*;
«Оно, какъ плевелъ и волчець,
«Отъемлетъ силу у растенья,
«И укрѣпившись, наконецъ,
«Безплодной ниву оставляетъ,
«И долгій трудъ—всей мзды лишаетъ.

«Но сколь блаженъ кто возрастилъ
«Въ душѣ своей зерно *смиренья*
«И умъ свой въ *вѣрѣ* утвердилъ!
«Онъ не лишится награжденья,—
«Законной мзды своихъ трудовъ—
«Вкусить отъ сладостныхъ плодовъ!

«*Смиренье*—древо у потока
«Спокойныхъ, чистыхъ *вѣрѣ* водъ,
«Растеть раскидисто, широко
«И своевременно свѣй плодъ
«И въ изобиліи даетъ.
«И это древо не скудѣветъ,
«И листъ его не отпадетъ:
«Оно, какъ кедръ, все зеленѣетъ
«И постоянно плодъ несетъ.

«Блаженъ стократъ, кто посаждаетъ
«*Смиренья* древо у себя:
«Онъ присно Богу угождаетъ,
«И Богъ *смиреннаго* любя,
«Его и здѣсь не оставляетъ,
«*Терпѣнья* даромъ надѣляетъ,
«А *претерпѣвыхъ до конца*
«Онъ *тамъ* ждетъ въ горнія селенья,
«Гдѣ во обителяхъ Отца
«Награда—вѣчность наслажденья
«И слава свѣтлаго вѣнца!
«О Иисусе мой, Сладчайшій!
«Владыко-Творче, Спасе мой!
«Я грѣшный—грѣшникъ величайшій,—
«Съ чѣмъ я предстану предъ Тобой?
«Слезъ тучу даждь ми, чтобъ ихъ сила
«Геенны пламень угасила,
«Который грѣшниковъ насъ ждетъ
«И мукой вѣчной камъ прещаетъ:
«Меня все, Боже, обличаетъ,

«Надеждъ ничто не подаютъ!
«Но, Ты, родивыйся отъ Дѣвы,
«И, ради грѣшныхъ насъ,—Благій,
«И волей смерть Самъ претерпѣвый,
«Вся Содержай, и вся Могиі;
«И смертью смерти власть поправый,
«Во гробъ бывый, яко плоть,—
«Но присно—Богъ сый и Господь,—
«Изъ гроба волею возставый,
«И вознесыйся отъ земли,
«Ты, Жизнодавче мой, Царь Славы,—
«Моимъ моленіямъ внимли!
«Хотяй всѣмъ грѣшникомъ спастися,
«И въ разумъ истинный придти,
«На милость нынѣ преклонися
«Мена помилуй и прости!
«Прости ми, Боже, прегрѣшенья,
«Вся яже въ дѣлѣ, въ помышленьи
«Передъ Тобою совершилъ,
«А паче гордость и сомнѣнье;
«Иль чѣмъ я брата оскорбилъ,
«Или примѣромъ соблазнилъ!..
«Мои безмѣрны согрѣшенья
«И безотвѣтенъ предъ Тобой,
«Что отвѣщать—недоумѣю;
«Къ Тебѣ очей возвестъ не смѣю,
«Склоняюсь грѣшною главой...
«Единый Чистый и Безгрѣшный,
«Омой меня и убѣли,
«Избави мукъ и тьмы кромѣшной,
«Въ селеньяхъ праведныхъ всели,
«Гдѣ нѣтъ болѣзней, нѣтъ печали,
«Откуда скорби отбѣжали,
«Гдѣ наслажденія одни
«Отъ вѣка праведнымъ даны;
«Идѣже свѣтъ Твой присѣщаетъ,—

«О! Солнце правды,—Свѣтовъ-Свѣтъ,—
«И всѣхъ тамъ сущихъ услаждаетъ,
«И гдѣ конца блаженствамъ нѣтъ!
«Ты Самъ и Жизнь, и Воскресенье,
«Покой усопшихъ рабъ Твоихъ,
«Прими меня въ Свой селенья,
«Не изжени меня отъ нихъ!

«И Ты, о Дѣво Богомати!
«Ты, заступленье всѣхъ родовъ;
«Надежный, вѣрный всѣмъ покровъ;
«Пучина горней благодати;
«Спасенья нашего заря;
«Ты, всѣхъ готовая спасти,—
«Моли Всевышняго Царя;
«Къ Нему имѣя дерзновежье
«О насъ предстательницей быть,—
«Кого изъ насъ Твои моленья
«Не возмогли бы защитить?
«Моли Его, о Всеблагая!
«Не по дѣломъ меня судить,—
«Но гнѣвъ на милость предавая,—
«Мои грѣхи всѣ отпустить
«И благъ небесныхъ не лишить!»

1876 г. 3 марта,

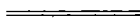
Угрѣша.

«Ф.»

Примѣчаніе. Стихотвореніе «Старецъ Алѣей» было приготовлено къ печати еще самимъ авторомъ въ 1876 г. Сохраняя первоначальную подъ нимъ подпись, сдѣланную авторомъ, долгомъ считаю заявить, что это стихотвореніе принадлежит перу моего покойнаго отца, Дмитрія Дмитриевича Благово, въ монашествѣ Пимена, пребывавшаго въ Николо-Угрѣшскомъ монастырѣ въ 1867—1880 гг. и скон-

чавшагося 9/21 іюня 1897 г. въ Римѣ, въ санѣ архимандрита, на должности настоятеля Русской посольской церкви, каковую онъ занималъ съ 1884 г.

В. Корсакова, рожденная Благово.
Казань.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва. Ноября 6 дня 1899 года.

Цензоръ *Протоіерей Іоаннъ Петропавловскій*.